

МОДЕРН В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИНТЕРЬЕРЕ: СОСТОЯНИЕ СИНГУЛЯРНОСТИ

Макеев С. А.

*доктор социологических наук, профессор,
заведующий отделом социальных структур
Института социологии НАН Украины*

Пульсации и эволюции цивилизаций привели к такому положению дел в совместном существовании людей, которое именуют модерном. Однако его культурные, политические, социально-структурные воплощения столь разнообразны на разных континентах и в их пределах, что попытки предъявить их очередную классификацию воспринимаются научным сообществом то всерьез, то иронично, сразу, порой, и не разобрать. Но, похоже, какое-то особое значение им не придается: быть может вследствие многоликой причудливости некоторых объективаций модерна. Иначе говоря, универсалистским претензиям глобализации, стремление цивилизационного процесса, остающегося капиталистическим по духу и с рынком в виде доминантного института, весьма успешно противятся некие национальные обособленности. Их дисперсные места на далекой периферии, они не поддаются агрегации, избегая столь аннигилирующей участи и предпочитая иной удел – оставаться «случаями». Таков, в частности, модерн в отечественном интерьере.

Уже начальный этап метаморфоз ценностно-нормативной, институциональной и социальной структуры Украины нешуточно озадачивал наблюдателей. В 1994 Е.И. Головаха и Н.В.Панина году издают книгу «Социальное безумие», прямо указав на радикальную своеобычность социального состояния общества [Головаха, Панина, 1994]. Весной 2015 года на конференции в Киевском университете Е.И. Головаха представил и соображения о «новом социальном безумии двадцать лет спустя», о прогрессе безумия, обретении им новых свойств и характеристик. В 1996 году в журнале «Политическая мысль» вышла наша с Н.В.Костенко статья «Непридуманный пятый мир» [Костенко, Макеев, 1996]. Там непреднамеренно возводимая в первой половине 90-х годов социальная конструкция определена как «пятый мир», нечто пребывающее за пределами тогда бытовавшей, а ныне прочно забытой, советской классификации миров на первый, второй и третий; пространство неординарности, в котором найдется место чему угодно, как бы экзотично оно ни выглядело. В нулевые годы новые определения представлены в публикациях С.Катаева, И.Кононова, П.Кутуева, О.Куценко, Н.Черныш, В.Хмелько. В общем, сегодня мы имеем несколько если не языков, то словарей описания специфики отличительных признаков и черт общества, в котором мы жили до окончания 2013 года, когда многое изменилось в силу разных, частью известных, частью замалчиваемых резонансов, обстоятельств, мотивов. Совместная жизнь в национальных границах, пришедших в движение по всем параллелям и меридианам, перешла в новое состояние, которое предпочтительно называть состоянием сингулярности.

Сингулярность обычное понятие в математике, реже в астрофизике, и, по инициативе Р.Курцвейла, набирает популярность в «новом научном футуризме» под именем технологической сингулярности. Но статьи сингулярность нет ни в авторитетной Стэнфордской энциклопедии философии, ни в московской «Новой философской энциклопедии». И это при том, что во Франции оно часто встречается у М.Фуко, Ж.Делеза, А.Бадью, Ж.Рансьера – в мышлении, которое по не совсем ясным или совсем не ясным причинам не может обойтись без такого понятия, идет ли речь об онтологии, археологии знания или политических проблемах. И хотя социологические работы о современных тенденциях эволюции общества обходятся без понятия сингулярность, ничто не возбраняет обращаться к нему, приводя, разумеется, доводы в обоснование подобного выбора.

Оттенки значений и сигнификаций в упомянутых научных направлениях и у названных философов заметно разнятся. Но общей оказывается отсылка к особенному, своеобразному, неординарному, уникальному, странному, необычному. О чем, собственно, и писали некоторые украинские коллеги последние четверть века. Сингулярность в поле науки – это то в чем необходимо разобраться, понять и объяснить, без уверенности в успехе и в отсутствие гарантий получения достоверных результатов. Это, изначально, приглашение к познанию чего-то непривычного, отклоняющегося. Впоследствии, когда понятие помещается в специфический научный контекст, оно становится осмысленным в ходе раздумий и рефлексий.

В социологии сложился регистр противоположных идеально-типических «состояний» пространственно-временного континуума совместной жизни в рамках национальных

государств. Вот лишь некоторые из них: «традиционное общество vs модерное», «закрытое общество vs открытое», «механическая солидарность vs органическая», «статика vs динамика», «норма vs патология», «солидарность vs аномия», «порядок хаос», «стабильность vs турбулентность». На современном рынке концептуальных предложений, претендующих на «определение состояния», доминируют три понятия: кризис, emergency, исключительность. Первое традиционно, второе и третье вошли в обществоведческий обиход позднее. У чрезвычайности (emergency) есть доминантные и второстепенные коннотации. Доминантные очевидно соотнесены с природными и техногенными катаклизмами. На подобные происшествия необходимо срочно реагировать и оказывать экстренную помощь пострадавшим людям. С этой целью создаются государственные структуры по минимизации их последствий – министерства чрезвычайных ситуаций, центры неотложной медицины. Второстепенные в качестве денотатов издавна имеют действия людей: на памяти ЧК (чрезвычайная комиссия) первых лет советской власти и «чекисты», менеджеры чрезвычайности с их особыми приемами «нормализации» классовой борьбы.

Режим неординарности, столь часто случающийся уже в нынешнем веке, никак не подвести под дюркгеймовское определение «патологий», его легитимность становится общепризнанной. Состоянию emergency посвящен четвертый (августовский) номер журнала «Theory, Culture & Society» за 2002 год, в котором признанные мастера социологии открывают возможные смыслы воздушной террористической атаки на Нью-Йорк в сентябре 2001 года. А специальный выпуск того же журнала в марте 2015 собран из статей об управлении экстраординарностью, которое из чего-то исключительного превратилось в возникающее повсеместно и непрерывно [Adey et al., 2015].

С.Жижек чаще других говорил о перманентном состоянии emergency (чрезвычайности, экстраординарности) всего и вся в мире людей, будь то состояние экономики [Zizek, 2010] или состояние любви [Zizek, 2003]. Оно характеризуется нарушением или даже разрушением повседневных порядков труда и коммуникации, приостановкой привычных правил общения и поведения, переходом в экономные или же минимальные режимы потребления. Более того, состоянию чрезвычайности сопутствуют процессы социального капсулирования, «закрытия» в известной терминологии, отгораживания от объявленного неприемлемым и декларирование новых приоритетов и открытости в определенную социально-политическую сторону. А параллельно патриотизм, эта политкорректная версия национализма, претендует или даже возводится в ранг востребованной будто самим временем идеологии.

В сфере медиа и, шире, культуры, состояние emergency означает, как показала П.Циммерман в одноименной книге рубежа веков, обусловленное глобализацией доминирование тенденций унификации, коммодификации и обезличивания – то, что признается неприемлемым и что подлежит безотложной коррекции. Такому порядку вещей, полагает автор, следует противопоставить практики активной документалистики и политического искусства – внимания к местному, особенному, отличающемуся в независимом художественном, любительском и неигровом кино, фотографии, репортажах с места событий [Zimmermann, 2000]. Культуре «emergency» в целом и применительно к отечественным реалиям посвящены публикации Н.Костенко [Костенко, 2015].

Ощущение, будто мир, то есть все вокруг нас и мы сами, движемся не просто в неверном направлении, но деградируем, так давно артикулировано, что проследить его замысловатое существование в философских и социологических текстах под силу компетентнейшему эксперту в области «археологии знания». Тем не менее, правило обозначать разнообразные отдельные движения, а также их суммарный вектор, словом «кризис» стало универсальным. К нему обращаются З.Бауман и К.Бордони, ведя диалог о положении дел в западных обществах в книге «Состояние кризиса». К.Бордони напоминает позитивные коннотации изначального значения слова: креативность, оптимистичность, изменение, связанное с возрождением прежде разрушенного или пришедшего в упадок. Современный же кризис отличается от прежних тем, что он не возвращается периодически, но присутствует постоянно, длится и длится. З.Бауман прибавляет к этому, что в кризисе пребывают политики и эксперты, ведь повсеместным стало чувство неуверенности и незнание того, в какую сторону, какими средствами побудить или заставить направиться ход вещей и дел к желанным пунктам назначения [Bauman, Bordon, 2014: p. 1 - 12]. Тут, как представляется, отсутствует бывшая ранее столь популярной аллюзия на кризис как разрыв между порядками преуспевания, некоего «междоцарствия», лишь временной приостановки в тенденциях повышения благополучия.

Иначе говоря, дорожные карты, на которые по неизвестным причинам продолжают уповать политики и эксперты, или документы, которые они продолжают так называть, чаще всего или же всегда, таковыми вовсе не являются. Поскольку пункты назначения выбираются в незнакомой местности не иначе как наугад, а направления и расстояния

репрезентируют скорее желания и предчувствия. Дороги либо не проложены, либо их необходимо строить по мере продвижения. Кроме того, современный кризис, наиболее ощутимо проявляющийся в экономике и сказывающийся на благосостоянии граждан, постулирует отсутствие точки бифуркации, прохождение которой, согласно устаревшим представлениям, надежно обещает переход в иное, более привычное, в лучшем случае более привлекательное, состояние. По оценке З.Баумана и К.Бордони он обусловлен кризисом государства, кризисом модерна и кризисом демократии.

Им в книге «Кризис» вторит С.Волби [Walby, 2015], разрабатывая теорию кризиса и предлагая их классификацию. Тотальность кризиса репрезентирована его взаимосвязанными разновидностями: финансовый, экономический (рецессия), фискальный (режим экономии, снижение уровня благосостояния), политический (кризис партийной системы), кризис демократии (некоторая свобода от принуждения придерживаться демократических ценностей, прав и свобод). Реальность представляется в виде каскада кризисов, не столько следующих один за одним, сколько наследующих один другого, не маскируя преемственности, скорее настаивая на ней.

В актуальной политической теории, основания которой заложены К.Шмиттом, состояние исключительности означает разрыв между правом и фактичностью политической жизни, ограничение прав и свобод граждан путем введения специальных указов или распоряжений. Дж.Агамбен пишет в работе «Состояние исключительности»: «Перед лицом непрерывного прогресса, того, что можно назвать «глобальной гражданской войной», состояние исключительности все более утверждает себя доминантной парадигмой отправления власти в современной политике» [Agamben, 2005]. Тогда-то и происходит волюнтаристское усиление власти, поскольку приостанавливается действие ряда законов и даже Конституции, ограничивающих ее в действиях. Тем самым освобождается пространство для неконтролируемого насилия со стороны государства, сводя на нет возможности граждан противостоять современному Левиафану.

«Состояния», синтагматичны, семантически близкими, а часто и взаимно заменяемыми, считаются «кризис», «emergency», «исключительность». Три разных слова для обозначения одной и той же реальности? Быть может и так. Но философ С.Жижек, ориентированный на феномены культуры и представляемое через их посредство, именует подобную реальность «emergency». Дж.Агамбен, оценивающий модусы отправления власти в современных условиях, предпочитает «исключительность». Социологи З.Бауман и С.Волби говорят о «кризисе», как бы утраивая образ реальности. Дело тут не в амбициях, разумеется, компетентнейших наблюдателей, побуждающих избегать употребления концептов, длительное время находящихся в обращении. Они придерживаются определенных традиций и в этом избирательны, утверждая, одновременно, многомерность «большой реальности» и оставляя пространство и места для нюансировки трендов фактичностью (экзистенциалами) разного происхождения и содержания.

И кризис, и «emergency», и исключительность с существенными поправками на национально-исторические особенности, присутствуют в Украине. Они образовали разрывы, складки и лакуны, которые зашиваются, выравниваются и заполняются инициативными индивидами и сообществами, действующими альтруистично (волонтеры), корыстно (контрабандисты, тривиальные грабители и мошенники), патриотично (добровольцы вооруженных формирований согласно представлениям о патриотизме). Бытование подобных феноменов указывает на состоявшийся, по определению З.Баумана, «развод власти и политики». Его ближайшими результатами оказываются отсутствие полномочных инстанций, способных действовать так, как надлежит действовать в экстремальных обстоятельствах, а также дефрагментация власти, у которой обнаружили конкуренты: руководство силовых структур, администрация неподконтрольных территорий, могущественные члены общества и их коалиции внутри Украины. В отношении большинства граждан государство не может выполнять социальные обязательства, сокращая расходы на образование, науку, здравоохранение, пенсионное обеспечение.

Причем модальность состояния общества задается событиями. За интерпретацией понятия событие отсылаю к соответствующей статье в Стэнфордской энциклопедии философии, а также работам А.Бадью [Badiou, 2005], С.Жижека [Žižek, 2014] и А.Филиппова [Филиппов, 2004; Филиппов, 2005; Филиппов, 2011]. Событиями обыкновенно считают то, что выпадает из привычного уклада, что вроде бы не подготовлено случившимся ранее, возникающее будто без очевидного или решающего повода, так что в нем угадывается нечто чудесное и даже чудодейственное – перечисление оснований события допустимо, но никогда нет уверенности, что перечисление является исчерпывающим или же можно указать конечную причину.

Социологу не уклониться от задачи представить хотя бы основные трактовки события в перспективе его дисциплины. Если событие есть одновременно и новация и

беспорядок, которые производят возмущение в окружающей среде, так называемые эффекты событий, то оно, безусловно, энергетический феномен, который генерирует, инициирует, порождает, разделяет, деформирует или разрывает пространство совместной жизни, образует складки на ткани совместного существования. Это движение, вызывающее прочие движения, которые сминают или разминают, прежние структуры, порядки и складки, прибавляя к ним прежде невиданные и неслыханные в тех социально-географических локальностях, где они возникают.

Таким образом, комбинация кризиса, состояния emergency и состояние исключительности, сформированная чрезвычайными событиями (Майдан, аннексия Крыма, война на Донбассе), генерирует состояние сингулярности = события & кризис & emergency & исключительность. Его примерная структура, каждый элемент которой требует сведения к уровню индикаторов и показателей для эмпирической верификации, может быть представлена так:

- кризис (рецессия в экономике, режим экономии, безработица, экономическая стратификация);
- состояние emergency в культуре (сдвиги в ценностно-нормативных структурах, динамика культурных практик, укрепляющиеся и слабеющие идентичности, солидарности, политика памяти);
- состояние исключительности в политике (ослабление основных социальных институтов, неубедительная демократия, нестабильная партийная система, патологии – коррупция, насилие);
- мультипликация социальной структуры как следствие событий (складки, лиминальность);
- новые неравенства – неравномерное распределение тягот и издержек, а также такого дефицитного ресурса как безопасность
- ситуации и повседневные практики населения в состоянии сингулярности.

Література:

1. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика / Е.И.Головаха, Н.В.Панина. – Киев: Абрис, 1994. – 168 с.
2. Костенко Н. Культура «emergency»: внезапное и ожидаемое // Проблемы розвитку соціологічної теорії: Матеріали Х Всеукраїнської наук.-практ. конф. «Проблеми розвитку соціологічної теорії: теорії солідарності та конфлікту в поясненні сучасних соціальних процесів», 21-22 травня 2015 р. (м.Київ) / Київ. нац. ун-т ім. Т.Шевченка / За ред. О.Д.Куценко, В.І.Судакова. – К.: Логос, 2015а. С.55 – 58.
3. Костенко Н, Макеев С. Непридуманный «пятый мир» / Наталия Костенко, Сергей Макеев. – Политическая мысль. – 1996. – №1. – С. 41 – 48.
4. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода / А.Ф.Филиппов/ Препринт WP6/ 2004/ 05. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 56 С.
5. Филиппов А.Ф. К теории социальных событий / Александр Филиппов. – Логос 2005. – №.5 (50). – С.63 – 88.
6. Филиппов А.Ф. Развивая теорию событий. Статья первая. Дидактический эксперимент / Александр Филиппов. – Социологическое обозрение 2011. – Т. 10. – №.1-2. – С.6 – 18.
7. Agamben G. State of Exeption / Giorgio Agamben / Transl. by Kevin Attell. – The University of Chicago Press, 2005. – 95 P.
8. Badiou A. Being and Event / Alain Badiou / London: Continuum, 2005. – 526 P.
9. Bauman Z., Bordonì C. State of Crisis /Zygmunt Bauman and Carlo Bordonì/ Cambridge: Polity Press, 2014. – 164 P.
10. Walby S. Crisis / Silvia Walby / Cambridge, Polity Press: 2015. – 224 P.